

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/44/134
23 February 1989
RUSSIAN
ORIGINAL: SPANISH

Сорок четвертая сессия
Пункт 58 предварительной
повестки дня*

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Письмо Временного Поверенного в делах Постоянного представительства
Чили при Организации Объединенных Наций от 17 февраля 1989 года
на имя Генерального секретаря

Имею честь обратиться к Вашему Превосходительству в связи с резолюцией 42/33 Генеральной Ассамблеи от 30 ноября 1987 года, которая касается предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.

В этой связи имею честь представить в приложении к настоящей ноте позицию моего правительства в отношении юридических проблем, возникающих в связи с милитаризацией космического пространства, и буду признателен Вашему Превосходительству за распространение данного документа в качестве официального документа Генеральной Ассамблеи по пункту 58 предварительной повестки дня.

Серхио КОВАРРУБИАС САНХУЕЗА
Посол
Заместитель Постоянного представителя
Временный Поверенный в делах

* A/44/50.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Юридические проблемы, возникающие в связи с милитаризацией
космического пространства

Наиболее важным принципом Устава Организации Объединенных Наций, несомненно, является запрещение угрозы силой или ее применения, которому доктрина придала юридический характер принципа "jus cogens". Это подразумевает его абсолютное превосходство над любой другой нормой международного права, не имеющей такого же характера, и его универсальную применимость во всех странах мира независимо от того, являются они или нет членами Организации Объединенных Наций. Он нашел свое четкое отражение в пункте 4 статьи 2 Устава, где говорится о том, что "все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций".

С другой стороны, у юристов нет единого мнения в отношении того, что должно пониматься под термином "сила" – подразумевается ли при этом лишь ссылка на вооруженную силу или же, наоборот, любая форма принуждения.

Тщательное изучение Устава, а также содержащихся в нем основополагающих принципов приводит к выводу о необходимости рассматривать силу в широком смысле и включить в нее другие формы, препятствующие достижению главной цели Организации Объединенных Наций – сохранение мира.

Так, например, в пункте 1 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций закрепляются следующие цели и принципы Организации: "Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира".

С другой стороны, статья 41 Устава позволяет сделать вывод о том, что помимо "вооруженной силы" существуют и другие меры насилия, о чем свидетельствует текст статьи: "Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений ...".

Кроме того, необходимо учитывать, что мир неделим и что для его сохранения должным образом требуется широкое осуждение всех препятствий, стоящих на пути его полной реализации. В этом контексте какой бы характер ни носила применяемая "сила" – вооруженная или нет, – она противоречила бы высшим целям достижения мира и международной безопасности и сотрудничества между государствами. Обе эти цели настолько взаимосвязаны, что невозможно предположить существование в мире сотрудничества на различных уровнях при наличии ситуаций, отличных от состояния мира. Тем не менее следует согласиться с тем, что существуют юридические фигуры, которые лучше согласуются с понятием "угроза применения силы", которое также имеет категорию "jus cogens".

С другой стороны, агрессия явилась бы "видом" более широкого, чем эта сила "рода", если бы она ограничивалась ничем иным, как применением вооруженной силы (статья 1 приложения к резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года). В этом смысле сама статья 39 Устава Организации Объединенных Наций содержит четкое определение, поскольку в ней говорится, что "Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии ...".

В любом случае характер, который приобретает любое действие, направленное против мира - применение силы или угроза ее применения, - должны быть отвергнуты как полностью противоречащие упоминавшимся выше принципам Устава.

Единственная допускаемая законом возможность применения силы возникает при законной обороне, которая применяется в качестве ответной меры на "незаконное" применение силы, и в случае коллективных действий (рассматриваемых в главе VII Устава).

Поэтому можно было бы сделать вывод о том, что любое действие, которое прямо имеет целью нарушение мира, могло бы рассматриваться в качестве акта применения силы или угрозы силой, и что такое применение в обоих случаях абсолютно недопустимо согласно любым двусторонним или многосторонним договорам или конвенциям. Эта категория "jus cogens" придает им юридическую стабильность в соответствии с необходимостью надлежащего обеспечения высшей ценности - всеобщего мира. Однако вопрос об экономическом принуждении не является столь ясным. Исходя из существующей доктрины, существует тенденция рассматривать их скорее как действия, нарушающие принцип невмешательства (пункт 7 статьи 2 Устава).

Следовательно, содержащийся в пункте 4 статьи 2 Устава принцип является универсальным и обязательным и положил начало всему обычному праву. Многочисленные и постоянные заявления государств служат явным и неоспоримым доказательством принятия этого принципа в качестве принципа международного права.

В конкретном случае, когда речь идет о космическом праве, вся деятельность, осуществляемая в космосе и затрагивающая безопасность нижележащего государства, является незаконной в соответствии с положениями пункта 1 статьи I Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (см. приложение к резолюции 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года), который гласит следующее: "Исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества".

Поэтому становится совершенно ясно, что для обеспечения законности исследования и использования космического пространства, необходимо осуществлять их в форме, отвечающей вышеупомянутой норме, из чего выводится существование нового субъекта международного права - человечества.

С другой стороны, в резолюциях 1721 (XVI), 1962 (XVIII) и 1963 (XVIII) Генеральной Ассамблеи, в частности, говорится, что деятельность государств в области исследования и использования космического пространства должна осуществляться в соответствии с нормами международного права, включая Устав

Организации Объединенных Наций. Это означает, что космическое пространство не является каким-либо "юридическим вакуумом", поскольку в Уставе и резолюции 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи, озаглавленной "Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций" от 24 октября 1970 года, категорически запрещаются угроза силой или ее применение.

В соответствии с действительно обуславливающей клаузулой космического права (согласно которой деятельность осуществляется в интересах человечества) в данном случае не действует принцип, согласно которому разрешено все, что не запрещено явно. Государства не могут делать исключения из мандата, по которому использование космического пространства, Луны и других небесных тел осуществляется на благо и в интересах всех народов мира. Этот мандат, впервые установленный в рамках норм международного права, должен являться главной целью вышеупомянутой деятельности. Он представляет собой новшество, разработанное в соответствии с нормами космического права, — "lex specialis" более высокого порядка, неизвестный в прошлом. Критерий законности определенной космической деятельности должен основываться на соблюдении положений пункта 1 статьи I Договора по космосу (см. приложение к резолюции 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи), а не на отсутствии какой-либо запрещающей нормы. Такое отсутствие, согласно нормам космического права, не превращает незаконные действия в юридические действия, законные в международном масштабе. Уместно также добавить, что незаконность того или иного действия должна оцениваться согласно нормам международного, а не внутригосударственного права. Этот принцип применяется еще более энергично в области космического права в соответствии с заложенными в него этическими соображениями высшего порядка.

Однако очевидные в теоретическом плане положения не нашли должного отражения в Договоре по космосу (см. приложение к резолюции 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи). В частности, в этом отношении в статье IV вышеупомянутого правового документа говорится:

"Государства — участники Договора обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.

Луна и другие небесные тела используются всеми государствами — участниками Договора исключительно в мирных целях. Запрещается создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается. Не запрещается также использование любого оборудования или средств, необходимых для мирного исследования Луны и других небесных тел".

Утверждается, что размещение ядерного оружия в государстве или других видов оружия массового уничтожения (что является явным нарушением Договора по космосу) может рассматриваться как начало вооруженного нападения, что оправдывает принятие коллективных мер защиты (статья 39 Устава). Враждебный характер космического объекта — это вопрос, который в каждом случае должен определяться Советом Безопасности, так же как и вопрос о последующих мерах — захват или уничтожение аппарата и другие соответствующие меры, такие, как полный или частичный перерыв экономических отношений и т.д.

В любом случае, вытекающее из данной статьи запрещение несомненно является частичным, поскольку в соответствии с ним "Луна и другие небесные тела должны исследоваться исключительно в мирных целях". Следовательно, юридический статус космического пространства и небесных тел не является сходным, и некоторые военные применения космического пространства не исключаются с юридической точки зрения.

Кроме того, среди слабых сторон вышеупомянутой нормы необходимо отметить ту часть, которая относится к вооружениям, поскольку в ней упоминается не что иное, как "объекты с ядерным оружием" и другие виды оружия "массового уничтожения". Как поступать с другими видами оружия, которые не подпадают под вышеуказанные определения? Является ли, например, законным так называемое противоспутниковое оружие?

Ясно, что статья IV не согласуется с общей доктриной космического права, которое, как известно, определяет, что деятельность государств в космическом пространстве должна осуществляться в интересах всего человечества. Это подразумевает, как следствие, полный и абсолютный отказ от применения силы или угрозы ее применения.

Вышеупомянутое положение не согласуется, например, с положениями статей I и II Договора по космосу, который обязывает государства осуществлять их космическую деятельность в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций. Из этого последнего источника, как уже указывалось ранее, вытекает широкое понятие "силы", не ограничивающееся лишь "вооруженной силой".

В связи с этим настоятельно необходимо обеспечить понятийное согласование, чего можно достигнуть путем разработки дополнительного протокола к Договору по космосу, что, несомненно, способствовало бы с юридической точки зрения сохранению космического пространства как среды сотрудничества, а не возможных конфронтаций.

Для целей настоящего анализа важно также учитывать положения статьи 3 "Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах" (см. приложение к резолюции 34/68 Генеральной Ассамблеи от 5 декабря 1979 года). В ней говорится следующее:

"1. Луна используется всеми государствами-участниками исключительно в мирных целях.

2. На Луне запрещается угроза силой или применение силы или любые другие враждебные действия или угроза совершения враждебных действий. Запрещается также использование Луны для совершения любых подобных действий или применения любых подобных угроз в отношении Земли, Луны, космических кораблей, персонала космических кораблей или искусственных космических объектов.

3. Государства-участники обязуются не выводить на орбиту вокруг Луны или на другую траекторию полета к Луне или вокруг нее объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения, а также не устанавливать и не использовать такое оружие на поверхности Луны или в ее недрах.

4. Запрещается создание на Луне военных баз, сооружений и укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается. Не запрещается также использование любого оборудования или средств, необходимых для мирного исследования и использования Луны".

Хотя Соглашение о Луне является наиболее полным и всеобъемлющим по своему характеру, и оно не содержит удовлетворительного решения проблемы милитаризации космоса. Во-первых, в нем не содержится никакой конкретной ссылки на космическое пространство, а упоминаются лишь Луна и другие небесные тела. Во-вторых, – и здесь возникает тот же парадокс, что и в отношении статьи IV Договора по космосу, – это положение носит обязательный характер лишь для "государств-участников", что лишает его универсального характера и принципа "jus cogens" неприменения силы. Точно так же в пункте 3 повторяется уже отмечавшаяся в отношении Договора по космосу ошибка, поскольку в нем запрещаются "объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения", но не включены другие обычные виды вооружений. В заключение можно сказать, что не представляется целесообразной формулировка последнего в пункте 4 предложения из-за двусмысленности и неточности терминов "оборудования или средств, необходимых ...", а также поскольку не подтверждается, что исследование использования Луны должно осуществляться в "исключительно мирных" целях.

В целом статья 3 Соглашения о Луне содержит и позитивные элементы. В этом отношении следует отметить, что на Луне запрещаются "другие враждебные действия или угроза совершения враждебных действий". Таким образом, диапазон запрещенных действий значительно расширяется, хотя и весьма неопределенным образом.

В любом случае ключевым и центральным пунктом при анализе проблемы милитаризации является правильная интерпретация термина "мирное использование", который применяется в конвенциях по космосу. В отношении данной проблемы применяются две концепции. В одной предусматривается, что термин "мирное использование" исключает лишь "агрессивное использование" (что было бы эквивалентным применению вооруженной силы), а в другой утверждается, что любое немирное использование космоса – за исключением некоторых видов деятельности "неагрессивного" характера – запрещается.

Концепция "мирного использования" должна быть изучена в контексте развития современного международного права и принципов, закрепленных в космическом праве. В соответствии с этой ситуацией в космическом пространстве, на Луне и других небесных телах должны быть разрешены лишь те виды деятельности, которые в целом не носят "немирного" характера. Сторонники теории, согласно которой трудно или невозможно юридически разграничить категорию "военных" от категории "невоенных" аспектов, полагают, что должна быть запрещена лишь вооруженная сила, поскольку она четко поддается определению.

В этой связи уместно задать вопрос о том, каким образом упомянутая "Концепция агрессии" согласуется с положениями восьмого пункта преамбулы Договора по космосу, в котором говорится следующее: "принимая во внимание резолюцию Генеральной Ассамблеи 110 (II) от 3 ноября 1947 года, которая осуждает пропаганду, имеющую целью или способную создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акты агрессии, и считая, что указанная резолюция применима к космическому пространству".

Широкие концептуальные рамки указанного пункта не оставляют места для каких-либо сомнений. Благодаря осуждению пропаганды, противоречащей интересам мира, они непосредственным образом распространяются и на "неагрессивные" элементы, являющиеся результатом или следствием той или иной космической деятельности.

Такая пропаганда, как и, например, умышленное использование данных дистанционного зондирования в ущерб безопасности наблюдаемой страны, могут представлять собой недружественные акты и в то же время не являться деятельностью, ведущей непосредственно к нарушению мира. Такие действия должны вести к возникновению международной ответственности.

Кроме того, следует уточнить, что формальный гражданский или военный статус того или иного лица сам по себе не может служить основанием для вынесения юридического определения. Только мотивы, лежащие в основе того или иного деяния, придают ему гражданский или военный характер. Таким образом, гражданский служащий, используя немирные средства, может осуществить военные действия "неагрессивного" характера; точно так же, военнослужащий может заниматься научно-исследовательской работой с исключительно мирными целями.

Тот факт, что какой-либо вид деятельности не является агрессивным в строгом смысле этого слова, не меняет, таким образом, его незаконности по существу. Поэтому критерий законности, как уже говорилось выше, должен извлекаться на основе сопоставления с положениями пунктов 1 и 2 статьи I Договора по космосу, а не путем установления отсутствия запретительного положения.

Следует также уточнить, что, хотя территориальный суверенитет не распространяется на космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, космическое право, тем не менее, основывается на принципе уважения суверенитета государств, наблюдаемых из космического пространства. Он связан с правом государств на защиту своей национальной безопасности, первоочередной доступ к своим природным ресурсам, а также на санкционирование распространения определенных данных о своей территории среди третьих государств. Соответственно, государства должны осуществлять свою деятельность по исследованию и использованию космического пространства в соответствии с нормами международного права, в особенности Уставом Организации Объединенных Наций, учитывая, в частности, принципы суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела.

Признав тот факт, что космическое пространство может использоваться исключительно в мирных целях, следует признать также, что возможны обстоятельства, при которых, в соответствии с общими нормами, оправдано применение силы той или иной страной. Сюда относятся случаи самообороны, при условии, что она соразмерна совершенной агрессии. Что касается космического пространства, то в соответствии с нормой, согласно которой государству регистрации принадлежит исключительная юрисдикция в отношении его космических объектов (статья I Конвенции о регистрации), космическое право не допускает вмешательства извне, тем более вооруженного нападения на космический корабль или станцию. Только государство регистрации может осуществлять юрисдикционные полномочия, в том числе уничтожать, не нанося при этом ущерба третьей стороне или окружающей среде, свои космические корабли в космическом пространстве или на небесных телах.

В случае нападения государство регистрации может прибегать к самообороне не только потому, что оно, как юридическое лицо, имеет такое право в соответствии со своими собственными принципами, но и потому, что подвергается угрозе его возможность осуществлять деятельность на благо всего мира. В этом отношении весьма точны доктрина и положение о "неделимости мира" и вредных последствиях для всех народов действий, направленных против мира.

Как известно, с вопросом о самообороне связаны два важных фактора: подверженность нападению или агрессии и соразмерность ответных действий. Следует прямо указать на так называемую "предупредительную самооборону", имеющую чисто превентивный характер. Она несовместима с положениями Статьи 51 Устава Организации Объединенных Наций и ее применение может быть связано с целым рядом злоупотреблений. Кроме того, возникает вопрос о том, кем определяется необходимость в совершении превентивного нападения, которое уже само по себе может привести к серьезному нарушению международного мира? Как обеспечить, чтобы в условиях отсутствия эффективных механизмов урегулирования международных споров какое-либо государство, являющееся предполагаемым объектом нападения, не являлось единственным судьей и исполнителем решений?

Как уже отмечалось выше, применительно к космическому пространству как агрессивная, так и неагрессивная деятельность может быть отнесена к общей категории "немирной", и те ее виды, которые связаны с нападением или агрессией (применением силы вообще) предполагают незамедлительную постановку вопроса о самообороне. Однако само установление факта агрессии в некоторых случаях может быть весьма затруднительным, особенно если результаты действий проявляются не сразу; кроме того, следует учитывать, что большинство стран не располагает техническими средствами, необходимыми для определения и предотвращения использования космического пространства в немирных целях. Эти страны могут лишь обратиться за помощью к системе Организации Объединенных Наций в соответствии с нормами, предусмотренными в главе VII Устава, с тем чтобы Совет Безопасности оказал им содействие путем принятия более эффективных мер. Такая процедура, по вполне понятным причинам, не дает удовлетворительного и эффективного ответа на рассматриваемую проблему. Поэтому достаточно неизбирательного применения Советом права вето, чтобы любая страна, являющаяся пассивным бенефициарием применения космической техники, оказалась в совершенно беззащитном состоянии.

Еще одним аспектом, в отношении которого требуется принятие законодательных мер, являются системы контроля за соблюдением договоров в области разоружения. Их наиболее важные задачи изложены в документе, посвященном предложению о создании международного агентства спутников контроля (A/AC.206/14), которое было выдвинуто Подготовительным комитетом второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной разоружению, а именно:

- 1) контроль за соблюдением соглашений по разоружению/ограничению вооружений;
- 2) контролирование кризисных ситуаций, в частности, в следующих формах:
 - a) раннее оповещение о нападениях на основе наблюдения за концентрацией вооруженных сил и полувоенных формирований;
 - b) доказательства нарушения границы;
 - c) контроль за прекращением огня;
 - d) помощь наблюдателям Организации Объединенных Наций по поддержанию мира;
 - e) укрепление международных мер по созданию атмосферы доверия и недопущению применения силы или угрозы силой.

Важно внести некоторые уточнения в отношении спутников раннего оповещения. Не могут считаться законными действия, связанные с "предупредительной самообороной". Такие действия не предусмотрены в Уставе Организации Объединенных Наций и могут стать опасным прецедентом для превентивных нападений. В то же время есть некоторые случаи, когда использование таких спутников допустимо: хотя каждое государство имеет право на невмешательство во внутренние дела и территориальную целостность, оно должно увязываться с высшим правом международного сообщества на защиту своей безопасности. Если спутники контроля способны сыграть свою роль в предотвращении ядерной войны, их использование будет оправданным с юридической точки зрения. Это не должно создавать ложного представления о законности "шпионажа", который, несмотря на отсутствие соответствующих международных норм, должен быть запрещен, поскольку представляет собой неприемлемое вмешательство в дела государств. Характер "неприемлемого вмешательства" устанавливается, в частности, на основании его скрытого характера.
